
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
МАРИЯ
ВЫСОЦКАЯ
УЙТИ
НЕЛЬЗЯ
ОСТАТЬСЯ
РАЗВОД

Мария Высоцкая

Уйти нельзя остаться

https://litres.ru/74956974
SelfPub; 2026

Аннотация

Семнадцать лет брака. Двое прекрасных детей. Настоящая любовь. Идиллия, которая рушится, когда Тая находит в ванной подруги часы своего мужа и слушает её нелепые оправдания о том, как они там оказались.

Измена налицо. Нужно бежать. Только вот дети встают на сторону отца, муж даже слышать не хочет о разводе, а сама Тая оказывается беременной.

Жизнь делится на «до» и «после». Карты вскрыты, и теперь ей предстоит выбрать: уйти или остаться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	48
Глава 11	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мария Высоцкая
Уйти нельзя остаться

Глава 1

— Семь недель, Таисия Денисовна! Я вас поздравляю! — моя гинеколог отталкивается пятками от пола, откатывается на кресле в сторону, а потом стягивает перчатки и выбрасывает их в ведро отходов класса «Б». — Можете одеваться.

— Спасибо, — бормочу, находясь в лёгком шоке. — Семь, — выдыхаю полушёпотом и касаюсь своего живота.

— Сердцебиение отличное, — продолжает Алла Николаевна, уже присев за свой стол. — Вы беременность у нас планируете вести?

— А? Да, — киваю, застёгивая джинсы.

— Тогда нам с вами нужно будет сдать кровь для начала.

— Хорошо, — снова киваю и сажусь в кресло по другую сторону врачебного стола.

— Так, вам тридцать семь полных лет?

— Да, — шепчу и снова трогаю свой живот.

Эта беременность — полная неожиданность. Мы с мужем не планировали еще детей. У нас их уже двое. Мальчик и девочка…

— Всё в порядке? — заботливо спрашивает Алла Николаевна.

— Я просто немного в шоке, — смеюсь, а потом добавляю с улыбкой: — Макар будет рад.

Мой муж и правда будет рад. Я это знаю. Он всю жизнь за меня. За семью. Поэтому тут даже гадать не стоит, он будет на седьмом небе. Мы так много прошли вместе, и вот теперь у нас будет еще один ребенок…

Кабинет гинеколога покидаю с переполненным любовью сердцем. У нас будет малыш. Совсем крошечка. После моей последней беременности прошло уже семь лет. Вроде небольшой срок, а я всё равно успела подзабыть, что такое младенец.

Толкаю стеклянную дверь клиники и, спустившись по ступенькам, юркаю к себе в машину и набираю мужа.

Минуту слушаю гудки, сбрасываю и звоню снова. Правда трубку он по-прежнему не берёт. Расстраиваюсь, конечно, но решаю, что сообщить ему дома, вечером, лично, а не по телефону, будет даже лучше.

С этими мыслями и просто невероятнейшим настроением завожу машину, выезжаю с территории клиники и направляюсь к подруге. Мы договаривались о встрече ещё неделю назад.

Заодно расскажу ей свою новость. Мы с Элькой шестнадцать лет дружим. С университета ещё.

По дороге притормаживаю у кофейни, беру там ее люби-

мый ананасовый торт и уже через полчаса звоню в Элькин домофон.

Как только попадаю в квартиру, тяну носом запах её неизменных последние лет восемь точно «Диор» и скидываю с ног свои лодочки.

— Привет, — лезу с обнимашками, поставив торт на комод.

— Привет, — Эля заключает меня в крепкие объятия, после которых мы быстро чмокаемся в щёки. — Проходи, я сейчас чайник поставлю. А, или кофе?

— Лучше чай, — улыбаюсь и, прихватив торт, прохожу на кухню. — Ремонт чудесный, — оглядываюсь. — Быстро ты закончила.

Элька купила новую квартиру пару месяцев назад, и уже заехала. Я помню все наши ремонты до покупки дома, мы деньги по крупицам собирали. Муж тогда еще не так много зарабатывал.

— Кстати, — присаживаюсь за стол, — мы с Макаром посовещались и решили сделать Киру подарок.

Кир — Элькин сын. Ему двенадцать. Она воспитывает его одна с самого рождения.

— Вот, — вытаскиваю из сумки папку формата А6.

— Что это?

— Это летний лагерь.

— В Швейцарии? — Эля улыбается, полистав страницы в папке. — Он будет рад.

— Да, мы же ничего ему на день рождения так и не подарили. А ещё, — растягиваю губы в улыбке, — я беременна. Семь недель. Представляешь?

Эля моргает.

Я жду от неё визгов, объятий, поздравлений, но ничего из этого не происходит.

Она замирает, прилипнув копчиком к краю кухонной столешницы, с папкой в руках, и молчит.

Её словно парализует. Ни единого движения. Только глаза. Вот они остаются живыми, и в них начинается шторм.

— Ты с ума сошла, — шепчет Элька, прижимая ладонь к своей груди.

Моя улыбка деревенеет. Я всё ещё улыбаюсь, но больше не чувствую радости, только растерянность.

— В смысле? — переспрашиваю, цепляясь пальцами за лежащую на столе кожаную салфетку.

—Подруга, тебе тридцать семь. — Она отмирает и, достав чашки, ставит чайник на стол с таким стуком, будто оглашает мне приговор. Как в суде, ей-богу. Молоточком стукнула.

— И что? — вытягиваю шею. Этот разговор нравится мне всё меньше и меньше.

— Ты старородящая. Ты вообще понимаешь, какие это риски? Тебе не двадцать и даже не тридцать! Ты посчитала, сколько тебе будет, когда этот ребёнок в школу пойдёт? А в универ? Под шестьдесят, Тая. Под шестьдесят! Ты будешь этому ребёнку бабушкой, не мамой!

Я моргаю и не верю своим ушам.

Эля же, как ни в чём не бывало, разливает по чашкам сначала заварку, а потом кипяток.

— Ты не права, — говорю, а у самой голос дрожит.

Она меня, конечно, слышит, но будто уже не может остановиться.

— Макар знает? Что он вообще на это скажет? Как отреагирует? Как я понимаю, вы ведь не планировали…ты вообще не боишься?

Я мотаю головой, а она горько усмехается.

Что с моей подругой?

Это же не она…

Эля с шумом выдыхает, садится на соседний стул и, побарабанив пальцами по столу, цедит:

— Хотя ты за своим Дягилевым всю жизнь как за каменной стеной была. Это я Кира одна тащу… Тебе, конечно, не понять…но ты не молодеешь подруга, а живешь с миллионером. Что если он завтра приведет в дом другую?

Я тянусь за кружкой, обхватываю пальцами, подношу к губам и чувствую, как горячая жидкость льётся прямо мне на колени.

Эля тут же хватает полотенце и начинает промакивать мои джинсы.

— Не надо, — ловлю её руки. — Я замою, — смотрю на дверь в ванную.

— Не обожглась? Ты слышишь меня вообще, Тая?

— Всё хорошо, я сейчас.

Быстро поднимаюсь на ноги и скрываюсь за дверью ванной. Слёзы душат, и они, конечно, не имеют никакого отношения к разлитому на штаны чаю.

Они словно оплакивают нашу с Элей дружбу. Нет, я понимаю, что ей тяжело, но я всегда пыталась её поддерживать. Всегда.

А может, у неё что-то случилось? Что-то плохое?

Притормозив себя на этой мысли, решаю, что нужно это выяснить. А пока, открыв кран и быстро замыв джинсы, вытираю руки гостевым полотенцем, машинально оглядывая полки.

У Эльки, как у косметолога, всегда много каких-то новых баночек. Сегодня не исключение. Правда, когда взгляд соскальзывает чуть ниже, я замечаю часы.

Мужские часы. В точности как у моего мужа.

Можно сказать: подумаешь, часы. Их сотни. Но дело в том, что это лимитированный вариант, и очень дорогой бренд. Их буквально десяток на мир.

И вот они здесь. У Эли в ванной.

Глава 2

Вода всё ещё шумит в кране. Я смотрю на часы, и время как будто останавливается.

Семь недель.

Малыш.

Часы.

Эти проклятые часы…

Вытягиваю руку и касаюсь циферблата кончиками пальцев. Нужно взять их в руки, но я боюсь.

В горле встаёт ком, а во рту всё мгновенно пересыхает.

Меня начинает трясти. Пальцы дрожат. Стоит мне коснуться холодного металла, как тело простреливает током. Я тут же одергиваю руку и прижимаю ее к груди.

Боже, как же страшно.

Я должна их взять. Должна, потому что там, на обратной стороне есть гравировка. На часах Макара есть.

«Д.М»

Сглатываю, и зажмурившись беру эти чертовы часы. Сначала приоткрываю один глаза, потом второй.

«Д.М» красуется на задней крышке. Она там — эта гравировка.

Она там, и все вокруг меня тут же погружается во мрак.

Я стою не шевелясь, абсолютно не понимая, сколько проходит времени. Но в какой-то момент за дверью слышатся

шаги и Элькин голос:

— Тай, ты как? Нормально всё?

Я даже рот открываю, чтобы ответить, но не могу. Слов нет.

Я смотрю на часы, потом на своё отражение, в котором вижу до жути перепуганную женщину, и не понимаю, что мне делать. Как себя вести? Что говорить?

Что в таких ситуациях вообще говорят?

Гипотетическая женщина Макара о которой Эля мне говорила, она сама?

— Тая! — снова зовёт Эля, и в её голосе мне слышится что-то, чего я раньше не замечала. Или не хотела замечать.

Нетерпение. Раздражение. Страх?

Она нервничает?

Вспомнила о часах?

Медленно кладу часы обратно на полку, закрываю кран и, пробежавшись пальцами по вискам, смотрю на себя в зеркало.

— Иду, — говорю на выдохе и тянусь к замку.

Звучу, вроде, вполне нормально. По крайне мере надеюсь на это.

Я открываю дверь и сразу вижу Элю. Она стоит в коридоре, подпирая стену плечом, и настороженно на меня смотрит.

— Ты чего там застряла?

— Пятно замывала, — отвечаю непроизвольно оглядыва-

ясь на эту злосчастную полку. — У тебя опять новые баночки, — хихикаю невпопад.

Эля натянуто улыбается и кивает.

Мы замолкаем.

Только смотрим друг на друга. Смотрим с настороженностью, с опасением, смотрим, как соперницы?!

Это же бред, правда?

Возможно, часы Макара оказались здесь случайно. Он мог заехать…

Но он никогда не общался с Элей без меня. Никогда.

Я отворачиваюсь и понимаю, что не могу, просто не могу сейчас у неё ничего спрашивать. Я дико боюсь, что мои догадки окажутся правдой. Я очень и очень этого боюсь.

Боюсь, потому что люблю своего мужа с нашей с ним первой встречи.

Я его идеализировала, наверное, но я всю нашу совместную жизнь чувствовала и его любовь. Его заботу. Он был всегда самым-самым. Никогда и повода не давал, чтобы что-то такое заподозрить.

Мы же единое целое…

— Чай стынет, — бормочу, едва сдерживая слёзы, и, обогнув Элю, возвращаюсь на кухню.

Не знаю, почему иду сюда, а не прочь из квартиры. Проверяю себя на прочность? Вряд ли. Просто теряюсь в моменте, вот и всё.

Я сажусь за стол, и Эля тут же садится напротив.

— Слушай, Тай, — произносит абсолютно другим тоном, он мягкий, почти ласкающий слух. — Прости меня. Я перегнула сегодня, правда. Просто… — она трёт переносицу, — просто день такой дурацкий. С утра клиентка истерику закатила, Кир трояк по математике принёс. Я как белка в колесе, вот и сорвалась. Прости. Я очень за тебя рада, это классная новость. Дети — это здорово.

Я смотрю на неё и пытаюсь понять, что из этого правда. Раньше мне не приходилось гадать, раньше я просто ей верила. А теперь, кажется, уже нет…

— Ты извиняешься или оправдываешься? — спрашиваю тихо.

Она моргает.

— В смысле?

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Прозвучало так, будто ты передумала не потому, что рада за меня, а потому что не хочешь выглядеть плохой.

Эля откидывается на спинку стула и складывает руки на груди.

— Ну знаешь, — кривит губы в злой усмешке, — если ты будешь цепляться к словам, то так можно вообще перестать общаться.

— Можно, — соглашаюсь.

Эля прищуривается, а потом наконец спрашивает:

— Да что с тобой такое сегодня?!

Я перевожу взгляд на ванную. Дверь все еще приоткрыта.

— Эль, — говорю и сама удивляюсь тому, как спокойно звучит мой голос, — у тебя кто-то есть?

— Ты о ком? — переспрашивает и тут же краснеет.

— Не знаю, — пожимаю плечами, — может быть, о каком-нибудь твоём клиенте, соседе, а может, и о моём муже…

Эля сглатывает и, резко поднявшись на ноги, убирает кружки со стола.

Её плечи напрягаются. Она вся, вся как на иголках.

— Что ты такое говоришь? При чём здесь твой муж? — бормочет, продолжая игнорировать мой взгляд.

— При том, что я нашла в твоей ванной его часы, Эль…

Глава 3

Она не оборачивается.

Просто застывает и этим молчанием даёт мне ответы на все вопросы. Абсолютно на все.

Мне хочется сжаться. Хочется заплакать. Хочется кинуться к ней, встряхнуть за плечи и закричать: «За что?»

Она же моя подруга. Я её сестрой считала. Почему она так со мной поступила?

А он? Боже, как это грязно. Мой муж и моя подруга. Как в плохом кино.

— Часы? — Эля наконец отмирает. — А… точно, Макар на днях заезжал, забыла рассказать. Замоталась.

Я киваю так, словно ей верю. Но если бы все было так просто, он бы и сам мне рассказал о том, что сюда заезжал. Но он не сказал.

— Ясно.

— Он Кира по дороге встретил и до дома подкинул, — тараторит, продолжая всё больше краснеть. — Я чай предложила и обед. Макар руки мыл, часы снял, видимо, я их даже и не заметила, — нервно посмеивается.

— Ясно, — улыбаюсь и поднимаюсь со стула.

— Ты уже уходишь? — спрашивает Эля, а от самой просто фонит облегчением в эту секунду.

— Да, что-то голова разболелась.

— Давай я тебе таблетку дам?

— У меня с собой есть. В машине приму.

Мы идём в прихожую. Я обуваюсь, она стоит рядом, обхватив себя руками.

— Слушай, — говорит, когда я уже берусь за ручку двери, — ты Макару сегодня про беременность расскажешь?

Я оборачиваюсь и смотрю ей в глаза.

— Сегодня, — киваю.

Она облизывает губы, хватаясь пальцами за край двери, а я тем временем переступаю порог и выхожу на лестничную клетку.

Пока иду к лифту, чувствую её взгляд в районе лопаток и покрываюсь изморозью.

Мне очень хочется вернуться и закатить скандал, но я выше этого. По крайней мере пока я точно выше этого.

Задрав подбородок, захожу в кабинку и, как только створки съезжаются, прижимаюсь спиной к стене, накрывая лицо ладонями.

Меня трясёт. Я реву белугой, пытаясь заглушить свои всхлипы. Сердце на кусочки рвётся.

Как мне теперь жить со всем этим?

Что делать?

Касаюсь живота и понимаю, что единственное настоящее, что осталось в моей жизни, — это мои дети. Сын, дочь и ещё не родившаяся кроха.

Из подъезда выхожу на ватных ногах. В машину забира-

юсь с трудом, потому что в руках совсем не осталось сил, и я кое-как нахожу в себе их остатки, чтобы просто открыть дверь.

Как только оказываюсь внутри, завожу двигатель, но уезжать не спешу. Просто сижу и смотрю в одну точку.

Получается, это конец? Конец нашей счастливой жизни?

Сглатываю и тянусь в сумку за телефоном. Снова набираю мужа и почти сразу слышу его голос.

— Прости. Только освободился.

Слышу родной, тёплый голос и зажмуриваюсь. Это голос, который успокаивал меня в любую трудную минуту, голос, который читал нашим детям сказки, который говорил «да» в загсе, который признавался мне в любви и клялся, что никогда не предаст!

Его голос…

— Привет, — шепчу. — Ты во сколько сегодня будешь дома?

— К восьми. Что-то случилось?

Случилось…

Хочется засмеяться.

Боже, как же это трудно!

Зажимаю пальцами переносицу и шепчу:

— Всё нормально, я просто… просто очень тебя люблю.

Он молчит секунду, а потом произносит:

— Я тебя тоже люблю, Тай.

Я мотаю головой, пока по щекам катятся слёзы, и не верю,

что это происходит с нами.

Почему?

— Жду тебя дома, — бормочу и отключаюсь.

Тут же швыряю телефон и снова вою белугой. Ещё немного — и начну рвать на голове волосы. Мне так больно, так одиноко и так плохо.

У нас же всё было хорошо! Хорошо же…

А что, если я это придумала? Что, если все эти годы жила в выдуманном мире? Дети, муж, дом, очаг, я даже работу бросила. Мне хотелось отдать всю себя семье. Это было важно.

Может быть, я ошиблась?

Глава 4

Домой добираюсь на автопилоте.

Заглушив двигатель, ещё минут пятнадцать сижу в машине, не заезжая в гараж. Просто стою перед домом и смотрю на свои пальцы, лежащие на руле.

На безымянном правой — кольцо с бриллиантом в пять карат. Макар подарил мне его девять лет назад, когда его бизнес пошёл в гору.

Мы поженились, когда мне было двадцать. У нас ничего своего тогда не было. Мы даже кольца покупали на рынке. Простые железячки. Но всё это было не важно, потому что у нас была любовь. Тогда у нас была настоящая, чистая и светлая любовь. Мы жить друг без друга не могли.

А теперь?

А теперь я нашла его часы у своей лучшей подруги, которая вела себя не просто странно…

Сглатываю и толкаю дверь машины. В дом захожу на ватных ногах. Сумка «Шанель» на цепочке волочится за мной по земле, и мне впервые за всё время ни капельки не жаль, что вещь может испортиться.

Ни капельки…

Но самое отвратительное, что я слышу голоса детей наверху и морщусь. Морщусь, потому что сейчас мне не хочется никого видеть. Никого…

Но будто нарочно, стоит мне поднять голову, и я вижу бегущего по лестнице Мира. Он несётся прямо на меня и обнимает за талию.

На автомате треплю пальцами его волосы и крепко зажмуриваюсь. Тяну носом воздух и понимаю, что я вот-вот рассыплюсь на кусочки от скручивающей душу боли.

Я не хочу верить в измену Макара, не хочу, но я же не дура, правда? Все ведь предельно ясно.

— Привет, мам! — Мир запрокидывает голову и быстро отлипает от меня. — Можно мне к Святу?

— Да, — киваю, — конечно.

— Спасибо, ма.

— Водителю скажи, чтобы ждал тебя там, — произношу сыну вслед, радуясь, что ему сейчас нет до меня дела.

Мирослав часто кивает и, взмахнув рукой, выбегает за дверь.

Я тут же выдыхаю и беру курс на лестницу. Мне нужен буквально час, чтобы проплакаться, привести себя в порядок и продолжить жить.

Меня с детства учили держать эмоции при себе. Мои родители — интеллигенты в десятом поколении. Отец — медицинское светило. Мама — пианистка. У нас дома было не принято кричать, громко смеяться, делиться какими-то переживаниями. Всё должно было быть культурно. Тихо.

Всегда.

Но с появлением Макара в моей жизни многое измени-

лось.

С ним я научилась говорить. С ним я научилась выражать своё недовольство. С ним, я стала живым человеком, а не куклой.

Макар всегда был очень импульсивным, я его, можно сказать, уравновешивала. Но не сегодня. Нет. Сегодня я готова к апокалипсису. К скандалу и может быть битью посуды…

С этой мыслью быстро поднимаюсь наверх, где почти нос к носу сталкиваюсь с дочкой.

Марьяна отскакивает чуть назад и впивается в меня растерянным взглядом.

— Мам, — спрашивает настороженно, — у тебя всё хорошо?

— Конечно, — вымученно улыбаюсь.

Выгляжу сто процентов отвратительно. Я ревела всю дорогу до дома, это вряд ли останется незамеченным.

— У тебя глаза красные. Ты плакала?

— А… это, — отмахиваюсь с улыбкой, — из машины вылезала и локтем ударилась, — тру выдуманное место ушиба.

Марьяна буквально на глазах выдыхает.

— А то я уже подумала…

— Что ты там такое надумала?

— Да, — хмурится, — весь день думаю, — вздыхает, — у моей Малинки родители разводятся. Представляешь? Отец нашёл себе какую-то модель, она тёть Свету на семнадцвть лет младше. Малинка сегодня весь день в школе плачет. Я

представить не могу, что она чувствует. Я бы с ума сошла, если бы вы с папой решили развестись. Точно бы сошла.

— Ну что за глупости ты придумываешь? — шепчу и быстро прижимаю дочку к своей груди.

Она всхлипывает, а меня изнутри колотит.

— Нет, ну ты просто представь, Малинке теперь придётся жить на два дома, она же дядь Славу обожает не меньше тёть Светы. Это же кошмар.

— Кошмар, — подтверждаю. — Но в твоей жизни ничего подобного никогда не случится, — шепчу, поглаживая её по голове.

Оказывается, врать не так уж и сложно. Мама явно преувеличивала…

В нашей жизни, в ней уже случилось что-то «подобное». Только вот я не уверена, что, в отличие от Светки, смогу найти в себе силы на развод. Во-первых, потому что это травмирует детей. Моих детей, которые ни в чём не виноваты. А во-вторых, потому что я всё ещё люблю своего мужа…

Глава 5

Марьяна шмыгает носом, а потом, широко мне улыбнувшись, уходит в свою комнату.

Я смотрю ей вслед и чувствую, как дрожат колени. Опомнившись, быстро перебираю ногами в сторону нашей с Макаром спальни.

Как только закрываю за собой дверь, прижимаюсь к ней спиной и медленно сползаю к полу, закусывая нижнюю часть ладони зубами, чтобы снова не заскулить.

Картинка перед глазами в ту же секунду становится мутной. Я плачу. Плачу, глядя на своё кольцо, на сумку, брошенную под ноги, на фотографию с нашей свадьбы, стоящую на тумбочке.

Боже…

Макар вернётся домой через несколько часов. Скорее всего после ужина, дети уже разбегутся по своим комнатам, и мы с ним останемся наедине.

Мы останемся вдвоём, и мне придётся задать ему вопрос, который способен разрушить наш брак до основания. А может… может, наш брак уже разрушен? Но если это так, как давно я этого не замечаю?

Эта мысль немного встряхивает. Я подтягиваю колени к груди и утыкаюсь в них лицом. Не плачу. Не могу больше. Внутри расползается гулкая, звенящая, страшная пустота.

И в этой засевшей за грудиной пустоте я не узнаю своего отражения в зеркале. Смотрю на себя и не вижу.

Я давно уже себя не вижу. Только муж, дети, семейный очаг…

Как же так? Я ведь медакадемию закончила… Как же так…

Размазав по щекам остатки слёз, шаркая ногами по паркету, перемещаюсь в ванную, а потом долго умываюсь ледяной водой, пока кожа не начинает гореть, глядя в одну точку.

Время практически останавливается. Я нехотя собираю волосы в высокий хвост, переодеваюсь в шёлковый домашний костюм, мажу лицо пептидной сывороткой и спускаюсь на первый этаж, как раз к ужину.

Дети уже вовсю стучат вилками и громко переговариваются.

Мой взгляд падает на огромные напольные часы, которые мы купили в антикварном магазинчике Парижа и с трудом протащили с мужем через таможню…

— Всем приятного аппетита, — желаю детям, садясь за стол.

— И тебе, ма.

— Тебе тоже, мамуль!

Я оглядываюсь. В доме, каждая вещь напоминает о нас. Раньше я этому радовалась, а теперь сердце по швам трещит.

Дети ничего не подозревая продолжают спорить, они вечно что-то пытаются друг другу доказать несмотря на внуши-

тельную разницу в возрасте, а я ковыряюсь вилкой в тарелке, морщась от поступающей к вискам головной боли.

***

Входная дверь открывается в половине десятого.

Я слышу, как Макар идёт по холлу, как заворачивает на кухню, и даже представляю вырисовывающуюся на его лице улыбку при виде меня.

Ещё вчера я встречала его у двери, как собака, наверное…

Может быть он именно так это и воспринимал…

И тем не менее, мы обнимались, целовались и шли ужинать. Вчера…

Но сегодня я не двигаюсь с места. Сижу в столовой над остывшей чашкой американо ещё с ужина и подбираю слова. Подбираю их уже несколько часов, а толку?

Как только вижу мужа, внутри всё съёживается.

— Тай, ты чего одна? — спрашивает Макар, насторожившись.

Я пожимаю плечами, а он подходит ближе. Выдвигает для себя соседний стул и садится рядом.

От него пахнет улицей, кожей и алкоголем.

— Ты пил? — спрашиваю, продолжая гипнотизировать тёмную гладь чашки.

— Поэтому и задержался. Нужно было закрепить сделку.

— Ясно, — произношу сухо.

— Ты какая-то бледная, — он касается тыльной стороной

ладони моего лба. — Температуры вроде нет. Всё хорошо? Тай…?

Я растягиваю губы в улыбке, которая не имеет ничего общего с радостью, и потираю кончиками пальцев ручку чашки.

— Я сегодня была у врача…

Макар тут же напрягается. Я вижу, как на его груди натягивается рубашка, и невесело усмехаюсь.

— Что-то серьёзное?

— Я беременна, Макар. Срок семь недель.

Муж замирает на секунды, потом очень быстро трёт лицо и расплывается в улыбке.

— Серьёзно? — хватает мои ладони, крепко сжимая в своих.

У него тёплая, сухая кожа. На пальце обручальное кольцо, которое он за всё время нашего брака ни разу не снимал.

— Тая, это же… это… как ты себя чувствуешь? Это лучшая новость за сегодня.

Он улыбается, а я смотрю на него и пытаюсь понять — врёт или и правда рад?

Раньше я бы даже вопроса такого не задала. Мне бы и в голову не пришло, что он может мне врать.

Раньше я бы его расцеловала и заобнимала. А потом, как и два раза до, мы бы большую часть ночи сидели и придумывали имена. Гадали, кто у нас будет, мальчик или девочка… Но это раньше.

— Я, кстати, сегодня была у Эли, — резко меняю тему, не отводя взгляда.

Макар мои слова воспринимает обыденно. Не вздрагивает, глаза у него не бегают, руки не потеют. Он просто кивает, а потом спрашивает:

— Как она? Давно её не видел. Кир как?

— Кир в порядке.

— Как ему наш подгон с лагерем?

— Не знаю, — жму плечами, — я отдала путёвку Эле. Кирюши не было дома.

Макар кивает, выпускает мои ладони и снимает с себя пиджак.

Ему стало жарко? Неуютно? Это из-за разговоров об Эльке?

Он поворачивается ко мне спиной, и я вижу, что у него затекли плечи. В другой день я бы обязательно сползла со стула, чтобы их помассировать, в любой другой, но не сегодня…

Тяну воздух ртом, слушая повисшую между нами тишину, и понимаю, что удачного момента не будет. Никогда его не будет.

Да и вообще, я вряд ли смогу оттянуть неизбежное.

— Макар…

Я зову его, и он тут же оборачивается.

Точка невозврата пройдена. Он смотрит на меня, я на него. Молчать больше нет никакого смысла.

Я скольжу взглядом по его предплечьям, встаю из-за стола и подхожу к окну. Уже стемнело. Дети давно поужинали и закрылись в своих комнатах. Мы здесь одни. Прислугу я отпустила.

За окном ветрено, но дома от этого уютней. Пока...

— Макар, — шепчу, глядя на своё отражение в тёмном стекле, — что у Эльки делают твои часы?

Глава 6

— Часы? — переспрашивает муж.

— Да.

Макар стоит ко мне спиной, и с каждой секундочкой его плечи напрягаются всё больше.

Мне же хочется, чтобы он обернулся. Хочется заглянуть ему в глаза, но я не шевелюсь. Просто жду. Жду, что он скажет.

А он… он молчит.

Проходит минута, две, три, а в кухне по-прежнему тихо.

— Так ты ответишь? — спрашиваю, обнимая руками свои плечи.

— Да, — он кивает и разворачивается.

Его брови тут же съезжаются к переносице. Он выглядит… злым? Потерянным? Впервые за всю жизнь не могу разобрать эмоций на его лице. Они варьируются от смятения до какой-то жгучей ненависти…

— Она приезжала ко мне в офис на прошлой неделе, — произносит таким тоном, словно в чём-то меня обвиняет. — Хочет купить помещение, чтобы в дальнейшем открыть свою клинику. Ей была нужна консультация юриста, вот я и выделил…

— Клинику? — переспрашиваю.

— Клинику. С юристом они потрепались, а потом она на-

просилась, чтобы я подкинул её до дома. Водитель резко тормознул на светофоре, я облил рубашку кофе, — чеканит, не глядя на меня. — Элька предложила подняться к ней замыть. Видимо, на автомате и снял там часы.

— Понятно, — киваю и смотрю ему прямо в глаза.

Он выглядит уставшим, злым и, кажется, отчаявшимся. А ещё он выглядит лжецом!

Он мне врёт. Я это знаю, он это знает, но мы по-прежнему стоим посреди столовой и ведём эту светскую беседу…

— Ты мне ничего не рассказывал.

— К слову не пришлось.

Макар закатывает рукава рубашки и идёт в сторону бара. Достаёт бутылку виски пятнадцатилетней выдержки и, прихватив бокал, возвращается. Правда, садится теперь по другую сторону стола. Между нами метра четыре с половиной, не меньше.

Я наблюдаю за тем, как он наполняет бокал жидкостью, как пьёт, и теряю нить, связывающую меня с реальностью.

Вот вроде бы мой муж, такой же, как и вчера. Любимый, единственный. Правда, теперь, наверное, уже не любящий.

Боже, двадцать четыре часа всего со вчерашнего ужина прошло, а моя жизнь кардинально изменилась. Оказывается, и так тоже бывает…

Макар залпом заливает в себя виски, а потом смотрит на меня в ответ.

Он смотрит пристально, а я чувствую, как практически

неуловимо всё меняется. Такое ощущение, будто закрывается дверь. Да, она сначала появляется между нами, а потом захлопывается на замок. Мы оказываемся по разные стороны.

Мир не рушится, он просто становится другим. Как будто кто-то выключил звук. Я слышу только собственное дыхание и тихий стук сердца. У меня, кажется, даже пульс не зашкаливает. Я на удивление спокойна.

— И давно? — спрашиваю, сама не узнавая свой голос.

Макар вопросительно приподнимает бровь.

— Давно ты подвозишь Элю до дома и поднимаешься туда вместе с ней?

Макар стягивает галстук, а вены на его руках начинают выпирать.

— Ты о чём вообще? Это ревность, Тай? — он усмехается. — С ума сошла?

Интересно, как давно он приходит домой, говорит мне «люблю», целует, а сам спит с моей подругой? Когда это началось?

— Ты спишь с Элей, — пожимаю плечами, а мой муж давится виски и начинает кашлять.

— Ты совсем кукухой поехала? — Макар резко поднимается на ноги. — Что за предъявы вообще?

— Не разговаривай со мной как гопник! Ты не в своей деревне сейчас.

— Ах ну да, забыл, ты же у нас интеллигентка.

Он швыряется в меня словами с такой злобой в голосе, что мне хочется расплакаться, но хорошие девочки ведь не плачут, верно?

Вот и я не плачу. Только расправляю плечи, чтобы сказать:

— Я хочу, чтобы ты собрал вещи и ушёл. Сейчас. Дети уже спят, сцен не будет. А потом мы им всё объясним. Как-нибудь точно объясним.

Макар стискивает зубы и, сунув руки в карманы, поворачивает голову. Он минуты три смотрит в окно. Молча.

Я же все эти сто восемьдесят секунд нахожусь в агонии.

— Не пойдёт. Это мой дом, мои дети, а ты моя жена. Я не собираюсь никуда отсюда уходить.

— Ты даже не отрицаешь…

— Всё не так, как ты думаешь.

— А как? Расскажи мне как? Потому что сейчас я в аду, Макар. Прямо сейчас я там, и единственное, что я могу сделать, чтобы не умереть, — это выгнать тебя из дома. Не видеть тебя больше. Никогда не видеть!

— Тай…

— Нет, подожди. Ты скажи, как ты хочешь, Макар? Чтобы я сделала вид, что ничего не знаю? Чтобы ждала тебя тут, как собака, пока ты трахаешь мою лучшую подругу? Так, да?

Он опускает голову и ухмыляется.

Ухмыляется!

Глава 7

— Тебе кажется это смешным? — спрашиваю, а у самой голос звенит.

Я вся как натянутая струна и вот-вот лопну. Когда это произойдёт, склеить себя обратно у меня не получится.

Я слабая. Всегда такой была — не могла дать никому отпор. Забавно, что сегодня я с чего-то решила, что в этот-то раз у меня получится. Не получится.

Я уже на грани.

Он открыто надо мной издевается, а всё, что я могу, — это недовольно поджать губы и буквально на пару децибел повысить голос, чтобы дети, не дай бог, не услышали.

— Я действительно сказала тебе что-то смешное, Макар? — пытаюсь и дальше отстаивать себя.

Он поднимает голову, и с его лица начинает медленно сползать эта гадкая ухмылка.

Вместо неё появляется презрение.

Ко мне?

К себе?

А может, к ситуации, в которой мы оказались?

— Мне не смешно, Тая, мне абсолютно не смешно.

Макар произносит это сухим тоном и снова тянется к бокалу. Крутит его в руках, наблюдая за тем, как янтарная жидкость обволакивает стеклянные стенки, и абсолютно не то-

ропится из него пить.

— Ты правда думаешь, что я сплю с Элей? — спрашивает, зыркнув на меня исподлобья.

— Я это знаю, — отвечаю, а голос предательски дрожит.

— Знаешь? — шепчет, припечатав меня взглядом к стене позади. — Ты предъявляешь мне по-серьёзному исключительно из-за того, что нашла мои часы у неё в ванной?

Я киваю, но чувствую себя растерянно.

Эля сегодня была отвратительна. И эта метаморфоза случилась с ней сразу, как только она узнала о моей беременности.

Если они с Макаром уже давно вместе, то, возможно, она надеялась, а может, он обещал ей замужество? Если это так, моя беременность могла спутать все её планы.

Она испуганно отреагировала на мой вопрос о часах, их версии с Макаром — когда и почему он у неё был — расходятся.

Точно!

— Эля сказала, что ты подвозил не её, а Кира, и именно тогда забыл часы. Пошёл мыть руки, потому что она решила накормить тебя обедом… или ужином, не важно! Ты пошел мыть руки и снял эти грёбаные часы, — хмурюсь. — Так кто из вас врёт?

Макар молча откидывается на спинку стула, продолжая крутить бокал в пальцах, после чего на секунды замирает, бросает взгляд на лестницу, а потом опустошает бокал до

дна, оглядываясь на холодильник.

Уверена, что он сейчас думает о лимоне.

Моргаю, раздражая сама себя этим дурацким, никому не нужным знанием. Мне не должно быть дела до его «хотелок». Но за семнадцать лет крепкого, как мне думалось, брака многие его привычки и желания уже засели на подкорку.

Моя мать презирает меня за выбор быть домохозяйкой. Отец разочарован, что я не продолжила нашу врачебную династию.

А я… я променяла карьеру на желание быть рядом со своей семьёй. Воспитывать детей, дарить им любовь, быть за мужем.

Дура, получается?

Я выбрала семью, чтобы спустя семнадцать лет узнать, что внутри этой семьи мой муж из раза в раз выбирал явно не меня.

Я обескровлена.

Это больно. Это бьёт по самолюбию. Это душит и не даёт хотя бы как-то функционировать.

Думая об этом, я не сразу слышу слова Макара:

— Да, я действительно там был. Отрицать очевидное глупо.

Он произносит их, глядя мне прямо в глаза.

Пальцы начинают дрожать в эту же секунду.

Как же так?

Я была, нет, я надеялась, что он будет отнекиваться. Что

будет пытаться доказать обратное. Что не признается ни в чём, в конце концов.

Я дура, круглая дура, знаю. А он… он вот так.

Провожу ладонью по груди, останавливая её в области сердца. Сердца, которое болит. Которое кровью истекает от происходящего.

— Был, — повторяю шёпотом. — И что ты там делал?

— Не то, что ты думаешь.

— Не то, что думаю?! — я вскидываю руки и надрывно смеюсь.

— Я не сплю с ней, если ты об этом. Не сплю, — качает головой, — и не спал, — он хмурится, словно сам сомневается в сказанных собой же словах.

— Но? — склоняю голову набок.

— Но проснулись мы с ней в одной кровати.

Я хватаю воздух губами и чувствую, как земля уходит из-под ног.

— Я всегда… всегда была рядом, — шепчу. — Семнадцать лет. Я родила тебе детей. Я тебя любила больше всех на свете. Я… как ты мог? Почему?

Макар стискивает челюсть, и мне кажется, точно кажется, словно в его глазах промелькивает боль. Настоящая. Такая, которая душу наизнанку выворачивает и руки выкручивает.

Я вижу перед собой человека, которого полюбила. Открытого, искреннего, честного. И от понимания, что мы будто на секунду прыгнули в прошлое, мне хочется стереть себе па-

мять. Хочется, чтобы сегодня никогда не случалось. Но вместе с этим мне хочется его ударить.

Ладонь зудит, и я расчёсываю её ногтями, оставляя на коже красные полосы.

— Она тебе давно нравилась, да? — спрашиваю, решив добить себя окончательно.

— Нравилась? Ты в своем уме? — Дягилев ухмыляется, а его брови комично подпрыгивают.

— По твоим словам, ты спал с ней даже без симпатии?

— Да не спал я с ней, — Макар психует, повышает голос и резко поднимается со стула. — Наверное…

Глава 8

Что это значит?

Я застываю в немом ужасе, без ответов на свои вопросы, а Макар замолкает.

Он сдавливает пальцами виски, будто испытывает невероятно острую головную боль, и подходит к окну. Меня же словно приклеили к полу, я и шага не могу сделать. Смотрю на его широкую спину, обтянутую белоснежной рубашкой, и чувствую, как внутри всё сжимается в тугой узел.

«Наверное».

Это слово повисает между нами, как приговор.

Тут просто не может быть хорошего исхода.

Если они спали — это конец.

Если нет… он мне соврал. Он с ней проснулся, даже если секса и не было. Хотя, зачем я себе лгу? Как можно проснуться вот так и...

Всё это какой-то сон. Кошмар, от которого кровь в жилах стынет.

— Что значит это «наверное»? — переспрашиваю тихо, растирая ладонями предплечья. — Ты либо спал с ней, либо нет.

Макар пару минут молчит. Он молчит, а для меня это время кажется дорогой в ад. Ад, дорогу в который он лично для нас вымостил.

Как он мог? После стольких лет…

Я крепко зажмуриваюсь, стискивая челюсти, а когда открываю глаза, сталкиваюсь с Макаром взглядами.

Он выглядит так, будто не спал несколько суток. Уставшим, разбитым… сожалеющим?

— На прошлой неделе, — начинает он хрипло. — Румянцев собирал всех у себя на деловой ужин. Ну, ты помнишь.

— На попойку, — вставляю язвительно.

Румянцев с Макаром имеют общий бизнес, поэтому часто пересекаются. Не сказать, что дружат, но и просто деловыми партнёрами их не назовёшь.

Вообще, этот Румянцев — сорокалетний алкаш, состоящий из бахвальства и пороков. Я была на этих самых «вечеринках» буквально пару раз вместе с Макаром, и мне на всю жизнь хватило. До сих пор от одной фамилии передёргивает.

Он тогда самодовольно кичился тем, как сделал свой бизнес. По факту же кинул кучу людей, которые ему поверили, и прикарманил всё себе.

Я тогда едва удержалась, чтобы не плеснуть в его самодовольную рожу просекко.

— Я звал тебя поехать со мной, — продолжает муж.

— Но мы оба знаем, как я к нему отношусь, — киваю, складывая руки на груди. — И поэтому ты поехал один. Как ты сказал, у Румянцева новый проект?

Макар хмурится, но слова мои пропускает мимо ушей.

— Там был Клименко, Ефремов, ну это я тебе утром рас-

сказывал…

— Рассказывал.

— И она.

Под «она» он, конечно же, имеет в виду Элю.

— Эля, — говорю одними губами.

— Эля, — Макар кивает. — Она приехала с Клименко, это он ей бабок на салон забашлял.

— Игорь дал Эле денег на салон? То есть салон — это не выдумка?

— Нет, она реально просила у меня юриста, но я скинул это на своего зама. Лично с ней не пересекался.

— Ну с чего вдруг Игорь дал Эле денег на салон? — спрашиваю, отгоняя от себя напрашивающийся ответ.

— Она с ним спит.

Боже!

Она мне ничего такого не рассказывала. Игорь Клименко женат. У него четверо детей. Эля это знает… поэтому, видимо, и не рассказывала. Понимала, что я осужу.

— В общем, Клименко свалил к жене в середине вечера, — продолжает Макар, а его голос становится глуше. Теперь он с трудом выталкивает из себя звуки. — А она осталась.

Он снова трёт виски, и я замечаю, что у него слегка подрагивают пальцы.

— Я звонил тебе уже пьяный, помнишь? Предупреждал, что задержусь.

Я помню. Он позвонил в половине двенадцатого.

В глубине души во мне тогда сидела обида, что он поехал один, а не остался со мной дома, поэтому я сказала ему, что он меня разбудил, и положила трубку. Хотя на самом деле я смотрела сериал, и сна у меня ни в одном глазу не было.

— Звонил… — он наконец поднимает на меня глаза. — Я не помню, Тая. Я ни хрена не помню. Мы бухали, Румянцев к ней подкатывал, она кобенилась, ржала, как лошадь. Короче, я собрался домой, морально готовился перед тобой извиняться. Ты же обиделась из-за того, что я уехал?!

Я стискиваю зубы и отворачиваюсь. Все таки мож обиду он в тот вечер заметил, но проигнорил, потому что к Румянцеву поехал.

— Элька двинула за мной следом, попросила подкинуть до дома. Мне было не в лом, всё равно по дороге. В тачке мы ещё выпили, она с собой вискарь хапнула. Мы с ней за дорогу всю эту бутылку и оприходовали…

Он замолкает, а я жду. Жду, слыша стук своего сердца, которое вот-вот вырвется из груди.

— Потом пятно, проснулся уже через несколько часов. У неё в кровати.

Я закрываю глаза. Слушать дальше нет сил, но я слушаю. Потому что это правда. Та самая, которую я так хотела услышать. И от которой теперь хочется сдохнуть.

— Было что-то или нет — понятия не имею….

— Почему ты не рассказал мне сразу? — спрашиваю, не открывая глаз.

— Испугался. Да и охренел от произошедшего. От того, как я вообще мог оказаться в такой ситуации. Было стремно. Да и сейчас не лучше. Ты увидела часы и сделала свои выводы. Без суда и следствия мне клеймо выписала. Без единого сомнения решила, что я левачу.

— Всё это случилось на прошлой неделе, Макар?

Он кивает.

— Получается, ты приходил домой, ложился со мной в одну постель всю эту неделю после неё?

— Я с ней не спал, — мотает головой. — У меня не было с ней секса. Осознанного — точно не было.

Осознанного?

Господи, он и правда не понимает, как это звучит.

Глава 9

— Это всё какой-то дурной сон, Тая, понимаешь?!

Макар вытягивает руки из карманов и резко хватает меня за предплечья.

Вздрагиваю. Моё тело воспринимает его прикосновения как удар. Да, он словно отвешивает мне пощёчину, а потом его горячие и по всем ощущениям чужие пальцы впиваются мне в кожу. От этих прикосновений к горлу подступает тошнота.

— Не трогай, — цежу сквозь зубы, а голос дрожит от отвращения.

Но он не отпускает. Только смотрит. Смотрит, сильнее вдавливая пальцы мне в кожу, на которой остаются невидимые синяки. Они не сойдут уже никогда. Это отпечатки его предательства. Они станут клеймом на моей душе.

— Я тебя люблю, с самой первой встречи. У меня никогда, слышишь, — он встряхивает меня, как куклу, — и мысли не было тебе изменять. Ни-ко-гда, — выталкивает по слогам. — Я не понимаю, как это произошло, бл*дь, просто не понимаю!

Макар качает головой, а я стою напротив и давлюсь горечью. Она уже поразила гортань и скоро отравит желудок.

— Получается, ты в этой ситуации жертва? — не могу сдержать иронии.

Макар прищуривается, раздувая ноздри. А что он хотел?

Я же не дура. Может быть, где-то и мямля, но точно не дура.

— Я виноват, Тая. Виноват, но точно не так, как тебе хочется думать. Я тебя не предавал, я…

Макар обрывает себя на полуслове и, резко разжав пальцы, в пару шагов оказывается у стола. Хватает бутылку, наполняет бокал и осушает его залпом, даже не морщась. Только стекло стучит о зубы.

Я поджимаю губы, глядя ему в спину, и пытаюсь понять, что из сказанного сегодня — правда…

Нет, она в любом случае дурная, эта правда, но хочется всё же докопаться…

Макар опускает голову, оставляет бокал и, сжав руки в кулаки, упирается ими в крышку стола.

— Ты же понимаешь, что я больше тебе не верю? — спрашиваю совсем тихо.

По-хорошему, мне пора завершить этот разговор и уйти. Но я стою истуканом и зачем-то продолжаю этот диалог. Диалог, который ни к чему нас не приведёт по итогу.

— Понимаю, — он кивает и поворачивает голову. Наши взгляды сталкиваются. — Понимаю, но я не хочу тебя терять, Тая, — говорит он негромко. — Я тебя не отпущу, — качает головой. — Я тебя люблю, слышишь? С самого первого дня, когда тебя увидел. Больше жизни.

Я молчу. Молчу, потому что, кажется, он уже меня поте-

рял. Просто ещё этого не понял.

Он не понял, а я… я боюсь ему об этом сказать.

Мне и самой себе страшно в этом признаться, но это правда. Вот такая уродливая, через семнадцать лет брака…

Макар снова тянется к бутылке, а я смотрю на часы. За окном глубокая, беспросветная ночь.

Выдыхаю.

Разговор окончен.

Я выпотрошена.

Сил быть с ним в одной комнате просто нет.

Я выжата до капли.

Напоследок взглянув на мужа, провожу рукой по стене и ухожу. Поднимаюсь на второй этаж и слушаю сначала тишину, а потом звук битого стекла. Кажется, Макар запустил бутылку в стеклянные дверцы бара.

На секунду прикрываю глаза, замирая на месте, а потом возобновляю шаг.

Пусть.

Оказавшись в спальне, не включая свет, забираюсь на кровать и прячусь под одеялом. Слёз нет. Есть пустота. Она вязкая, затягивающая.

Я смотрю в тёмный потолок и не могу понять, когда, в какой момент мы свернули не туда?

Я думаю об этом не один час, анализирую, а потом слышу, как в спальне открывается дверь. Тело мгновенно напрягается. Я подбираюсь и слушаю шаги.

Тихие, медленные шаги.

Макар передвигается по комнате, а потом заваливается на кровать поверх одеяла, рядом со мной, как ни в чём не бывало. От него пахнет виски.

Зажимаю рот рукой, чтобы не расплакаться.

Главное — не зарыдать при нём. Не сейчас уж точно.

А он как назло находит мою ладонь и сжимает в своей.

Вздрагиваю, будто от удара током. Происходящее кажется сном. Жутким кошмаром, в котором мы с мужем теперь чужие люди. Думая об этом, я чувствую, как слёзы катятся по щекам горячими, солёными реками.

Я всхлипываю, а Макар чуть сильнее сдавливает мои пальцы.

Мы лежим молча, а мой обезумевший от горя мозг подкидывает воспоминания о нашей с Дягилевым первой встрече.

Тогда он ещё не был миллионером, владеющим телеканалами, интернет-ресурсами и АЗС.

Тогда он был обычным деревенским парнем с замашками гопника и умением заболтать кого угодно.

Это был знойный июнь. В городе было нечем дышать, родители улетели на море, а меня отправили к бабушке готовиться к поступлению в медакадемию.

Ба тогда первое лето жила в деревне, по зиме купила дом, решив, что устала от столицы, но никто из родных даже не подозревал, в какой глухомани она его приобрела, несмотря на то, что могла позволить себе так называемую дачу и в

Подмосковье.

Отец был в шоке: дом чёрт знает где, до ближайшего магазина три километра, колодец во дворе, печка. Но ба всегда была сама себе на уме, и спорить с ней было бесполезно.

Я вышла из автобуса последней, потому что местные бабули, приехавшие из города, все как одна сильно спешили и толкались.

Спрыгнув на пыльную дорогу со ступеньки, я огляделась, поправила висящую на плече сумку и, повернув голову, увидела его.

Макара. Он стоял у остановки, оседлав старенький мотоцикл, и кого-то высматривал. А когда его взгляд добрался до меня — широко улыбнулся.

Я моргнула, опешив от такого нескрываемого интереса, и, отвернувшись, потопала в сторону деревни.

Он тогда нагнал меня минут через пять и предложил подвезти. Оказалось, что на остановке он ждал мать, но, судя по всему, она решила приехать на следующем автобусе.

Я помялась, но солнце пекло с такой силой, что пройти пешком два километра я бы точно не смогла.

В тот день он подвёз меня до самого дома и сказал, что обязательно на мне женится.

И он женился. Через два года. Сразу после армии.

А теперь я лежу в темноте, сжимаю его ладонь и понимаю, что та девочка, что вышла в тот день из автобуса, сегодня умерла. И парня того тоже не стало…

Глава 10

Ночь кажется какой-то нескончаемой.

Она длится, как ещё одни сутки. Сутки рядом с человеком, который меня растоптал и не видит в этом абсолютно ничего особенного.

Это больно. Это так больно. Первые пару часов мы лежим рядом, и Макар продолжает сжимать мои пальцы в своей ладони. А когда его наконец-то вырубает, я тут же перекатываюсь на бок, подтягиваю коленки к груди и реву. Негромко, в подушку, впиваясь ногтями в пододеяльник до ломоты в пальцах.

Меня потряхивает. В голове на репите крутятся слова из нашего с ним сегодняшнего разговора, и я абсолютно не понимаю, что со всем этим делать.

Как мне быть в этой ситуации?

Что мне делать со своей любовью? Она же есть. Она не может исчезнуть по щелчку пальцев! Она ломает меня изнутри, подначивая просто закрыть глаза и сделать вид, что ничего не случилось. Но она же требует линчевания. Требует правды. Требует должного к себе отношения!

Я в ловушке, ведь мы столько пережили вместе. Так много…

Он был для меня не просто мужем. Нет! Макар всегда был моим другом, человеком, который всегда меня понимал, ко-

торый любил меня. И которого любила я…

Он был моей опорой, стеной, а теперь…

Если они спали — это конец. А если нет… он всё равно меня предал. Поехал на эту попойку, хотя я просила этого не делать. Потащился в квартиру Эли, будучи уже очень пьяным, и если для кого-то алкоголь — смягчающий фактор, то для меня наоборот, отягощающий.

Зачем он это сделал? Почему он всё разрушил? Разве нам было плохо? Разве мы стали друг другу чужими?

А что, если это так? Что, если я одна продолжаю жить и верить в эту любовь?

Он может красиво говорить. Любого заболтает. Но если он с ней, то почему не хочет отпустить меня? Зачем говорит о любви?

Я запуталась. Так сильно запуталась…

Эти мысли не дают сомкнуть глаза практически до утра. Около пяти я проваливаюсь в глубокий сон, из которого меня выдёргивает будильник, и я тут же подскакиваю на постели. Нервно убираю волосы за уши, приглаживаю пушок на висках и медленно, с явным опасением поворачиваю голову. Макара рядом нет. Только подушка и одеяло примяты.

Я смотрю на пустую постель и чувствую облегчение, потому что просто не знаю, как буду сегодня смотреть ему в глаза. Как буду с ним взаимодействовать?

Я, если честно, не представляю даже, как после всего буду просто находиться с ним в одном пространстве.

Эта ночь стала для меня пыткой, и я не хочу превращать в неё ещё и день.

С этой мыслью перемещаюсь в душ. Долго стою под тёплыми струями, упираясь ладонями в прохладный кафель, и пытаюсь хоть немного прийти в себя. Сбросить этот морок. Но получается плохо. Я настолько извела себя морально, что даже руки с трудом могу поднять.

Тело ещё со вчерашнего вечера ватное и тяжёлое. Каждое движение совершается через силу, а каждая новая мысль весит на тонну больше предыдущей.

Насухо обтеревшись полотенцем, смотрю на часы. Восемь утра. Пятница. Дети сегодня едут в школу к десяти, а это значит, примерно через полчаса спустятся к завтраку. Я, конечно, тоже спущусь, потому что ни разу это мероприятие не пропускала. Но мне нужно быть в форме. Хотя бы внешне выглядеть сносно.

Поэтому я и делаю макияж. Старательно, слой за слоем, чтобы скрыть припухшие веки и появившиеся под глазами тени. В гардеробе снимаю с плечиков первый попавшийся костюм. Вязаный, бледно-голубой, состоящий из узкой юбки-макси и кофты с широким рукавом.

Быстренько одеваюсь, убираю волосы в пучок и спускаюсь в столовую.

Делаю это не без напряжения. Сбегать с завтрака не в моих правилах, поэтому, если Макар ещё дома, я просто это перетерплю. Сделаю вид, что всё в порядке. Я это умею. Ме-

ня с детства учили.

Уже на последних ступенях слышу смех Мира, а потом голос:

— Папа, маме точно понравится!

С шумом выдыхаю и заворачиваю в столовую, где Макар с детьми сервируют стол.

Замираю в эту же секунду.

Мозг начинает хаотично хвататься за прошлое, подводя меня к мысли, что, возможно, ничего не изменилось. Мы по-прежнему счастливая семья.

Только правда в том, что Макар уже лет пять не готовил для меня завтрак. А ведь раньше это был целый ритуал. По субботам он жарил свои фирменные гренки из обычного магазинного батона и маминого варенья из груши.

Я до сих пор помню этот запах свежесваренного кофе и гренок…

— Доброе утро, мамочка! — щебечет дочь, заметив меня первой.

Я улыбаюсь, не понимая, насколько нелепо выглядит моя улыбка, и с трудом выдвигаю для себя стул, чтобы сесть, потому что ноги практически не держат.

— А мы с папой гренки жарим! — подхватывает Мир и показывает на тарелку, полную румяных ломтиков.

— Молодцы, — хвалю его и ставлю сумочку на соседний стул.

— А ты куда-то собираешься? — спрашивает Марьяна,

окидывая меня взглядом.

— Мне нужно заехать в фонд.

Я уже три года владею фондом, помогающим больным детям, плюс курирую десять приютов для животных. Врачом я так и не стала, но стараюсь помогать хотя бы так. Не знаю, для кого по большей части я это делаю — для них или всё же для себя. Скорее второе, потому что так я чувствую себя менее несостоявшейся как личность. Менее потерянной в этом огромном, суровом мире, где все ждали от меня большего, а я выбрала семью.

Дочь понимающе кивает и убегает на кухню, а передо мной появляется тарелка.

Моргаю, улавливая запах тёплого хлеба, и не могу оторвать взгляд от руки мужа, на пальце которой надето обручальное кольцо.

Он, будто чувствуя мою заминку, касается моего плеча, а потом касается губами макушки.

Я вздрагиваю, сильнее сжимаю пальцы в кулаки под столом, чтобы от него не отшатнуться. Дети не должны видеть наш разлад, по крайней мере до момента, пока я не решу, как мне жить дальше.

Завтрак проходит сносно. Макар обсуждает с сыном школьные соревнования по волейболу, а я просто сижу и улыбаюсь в нужные моменты.

Например, когда Марьяна рассказывает про проект по биологии, который она сдала на отлично. Или когда Мирон

со всей галантностью изъявляет желание подлить мне ещё чая.

Я улыбаюсь и ненавижу себя за эту фальшь…

Наверное, поэтому, как только дети убегают из дома, потому что их уже ждёт водитель, первое, что я делаю, — смотрю на Макара и говорю:

— Я так не могу. Не могу, — мотаю головой. — Будет лучше, если мы сделаем паузу и разъедемся.

Глава 11

— Нет, — отрезает Макар ледяным тоном. Сейчас он выглядит так, словно это я довела нас до всего этого абсурда.

— Я не спрашиваю у тебя разрешения, Макар. Это не звучало как вопрос, если ты не заметил.

Он отодвигает от себя чашку и ловит мой взгляд. Он так долго и чересчур мучительно смотрит мне в глаза, что я начинаю терять нить разговора. Я знаю, каким может быть мой муж с другими. Жестоким, беспринципным…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.